

Две замочных скважины

[Статьи](#) / [Измена](#)

ДВЕ ЗАМОЧНЫХ СКВАЖИНЫ

- С ним что-то происходит... С ним явно что-то не то, - уже в который раз тоскливо повторяла Аня.

Речь шла о ее муже. Аня всегда с нежностью и теплом говорила о своем Шуре – причем с ударением на последний слог. Редкая в наши дни пара – они учились в одном классе, хорошо помнили вкус школьных котлет и летних походов, слушали одну и ту же музыку и в какой-то период даже носили одинаковые прически. Их родители сидели рядом на родительских собраниях. Их дома находились на одной улице. Когда Аня вспоминала прошлое, возникало ощущение, что мне поручается роль хранителя и свидетеля времени – прошедшего времени, которое ткало свои узоры и ежечасно, ежедневно, ежегодно связывало невидимыми нитями Аню и Шуру.

Но в последние несколько месяцев связь начала истончаться. Когда Аня рассказывала об этом, я на физическом уровне чувствовала тоску. Именно тоску. У меня сдавливало грудь. Я начинала по-другому дышать: неглубоко и редко. Я чувствовала вину из-за того, что она смотрит на меня – а я будто не могу ей что-то дать или помочь чем-то ощутимым. Я работала с образами, ощущениями – и воспоминаниями. Как из гаррипоттеровского омота памяти, каждую нашу встречу на свет выходили несколько воспоминаний – нежных, трепетных, пахнущих подростковой невинностью, юношеской страстной безапелляционностью, студенческими безумствами. Ее было интересно слушать – и за всю сессию я задавала 2-3 вопроса и делала 2-3 интерпретации. Однако я продолжала ощущать надвигающуюся катастрофу. Мне было сложно понять собственные контрпереносные реакции: это я «резонирую» с Аней или именно так – тоскливо и безнадежно – чувствует себя Шура? Я несколько раз пыталась построить свои реакции в интервенцию типа «Похоже, Вы грустите по тому времени, когда были молодыми и беззаботными» или более прямую «Может ли быть так, что Вы сейчас испытываете необъяснимую тоску...» - но Аня делала паузу и продолжала говорить.

В конце концов я смирилась со своей ролью «свидетеля счастливого прошлого». Аня категорически не хотела расспрашивать у мужа о том, что изменилось и почему в их отношениях появилась трещина. Холодок. Остуда.

Я добавляла информацию к генограмме, изредка что-то уточняла. И удерживалась от простого вопроса: «Вы не думаете, что у него есть любовница?» Я понимала, что такой вопрос может разрушить все то светлое, за которым скрывалось НЕЧТО. Нечто странное, необъяснимое, пугающее.

Он начал задерживаться на работе...

Он начал посещать все корпоративы, с которых раньше убегал, как корейский лидер от переговоров с Трампом...

Он стал зависать в компьютере, будто решил создать собственную игру и трудится над ней не покладая рук...

Он стал иногда разговаривать холодным и отстраненным тоном...

Он стал по вечерам прогуливаться в одиночестве...

Он перестал слышать просьбы Ани и детей...

Он начал забывать о своих привычных обязанностях – о том, что он с удовольствием делал много лет...

Он перестал выгуливать собаку...

И все то, что строилось так долго – уютная квартира, забавные послания друг другу на доске, прогулки с детьми, поездки к родителям, смешные SMS-ки – всё вдруг исчезло.

И Аня будто осталась одна.

Дети – шумные погодки 16 и 15 лет – жили своей жизнью.

Работа – а у них с мужем было одинаковое образование – приносила удовольствие.

Денег было в достатке.

Лицо и фигура в 39 были смутно определяемыми как «девушка около 30-ти» - и Бог, и родители постарались, и тренировки по кросс-фиту свое дело делали.

Подруги – да. Близкие отношения – да.

И только в одном месте было непонятно.

Шура.

До того, как прийти ко мне, Аня перебрала известный каждой девушке из Урюпинска набор деактиваторов злой силы.

Сбросила 3 кило - хотя откуда она их сбросила? Я не видела, как было, но женщины даже перед смертью от анорексии утверждают, что они толстые.

Поменяла гардероб.

Сменила прическу.

Во время недельной командировки мужа привела дом в идеальный порядок – все пруттики в гнезде лежат по местам, птенцы в порядке и радуют родителей хорошими оценками.

Впервые постригла собаку – чудную самоедскую лайку превратила в подобие пуделя, типа «от жары», но на самом деле, конечно, от тревоги. Показала фотографию на первой сессии – я почему-то пожалела самоеда.

Прочитала свежеизданную книжку «Размножение в неволе» - немного нового о сексе и

отношениях супружеской пары. Хотя название было многообещающим, я уснула на 5-й странице, а Аня проштудировала до конца и извлекла несколько полезных идей.

Но ничто из вышеперечисленного набора не помогло – и тогда Аня пришла ко мне. И стала регулярно, 2 раза в неделю, перелистывать туда-сюда «старый альбом», бережно рассказывая о каждом запечатленном в памяти «снимке» их любви.

Но, судя по всему, становилось только хуже.

Все мои робкие попытки предложить Ане все же поговорить и прояснить отношения с мужем заканчивались ужасом в ее глазах и – после длительной паузы – объяснениями, почему она не хочет об этом знать.

Потому что может узнать что-то такое, что навсегда изменит ее жизнь.

Потому что боится, что ей будет очень больно.

Потому что не хочет ничего менять.

Потому что стыдно... Страшно... Дети... Знакомые...

ЭТО длилось уже 4 месяца – 2 «до меня» и 2 «со мной».

Приближалось время летних отпусков. И мы с Аней попрощались почти на месяц – она чуть раньше уезжала в отпуск с мужем и детьми на какие-то дивные острова с солнцем и океаном, я – чуть позже на интенсив с загадочной белорусской погодой и комарами без ГМО. Но с договоренностью – если что-то (она выделила это голосом) – если что-то произойдет, она позвонит мне по Вайберу или Скапу и мы сможем поработать.

Я хотела хотя бы неделю предаться безделью и написать какую-нибудь фундаментальную статью с дисперсиями, корреляциями и страшными кривыми – но не все клиенты с этим были согласны. Поэтому по-снайперски прицельно «сгрузив» всех на один день, я уже почти начала бездельничать, мысленно желая всем уехавшим в отпуск хорошего отдыха – как вдруг позвонила незнакомая девушка и попросилась ко мне на прием.

Я, находясь в предвкушении приятных дел, самым обольстительным и нежным тоном предложила ей телефоны непотопляемых коллег, которые даже летом никуда не «уплывают» и продолжают принимать все корабли, готовые зайти в их порт. Но она, использовав все красноречие, аргументы, убеждения, просьбы и манипуляции, попросила уделить ей всего 2 часа моего времени. Сдвоенная сессия – и если я откажусь работать с ней дальше, она всё поймет. И пойдет к коллегам. И куда угодно. Но ей нужно. Срочно. Сегодня. Как можно быстрее. И возможно, только один раз.

Любой психолог может написать поэму о тех, кому «срочно нужно». Обычно это люди, которые исцеляются, только получив заветные цифры телефонного номера целителя. Некоторые, особо упорные, звонят. И только 1% доходит. И я назначила встречу через час – или так, или никак.

Она дошла.

- Я – Яна, просто сказала она. И начала рассказывать свою нехитрую, в общем-то, историю. Молодая – 27 лет. Работает в крупной компании. Квартира, машина, деньги...

Ни детей, ни животных – никого и никогда. Всегда жила только работой. Но вот полгода назад поехала в командировку с коллегами из соседней фирмы – и случился «бздынь» (я потом вспомнила – это из мультика про Дракулу и его дочку). «Бздынь» - или проскочившая искра – была вначале платонической. Переписка в сетях. Обмен мемчиками и интересным контентом. Потом – кофе. Потом – обеды. А потом случилось ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ. Они стали близки.

-Близки? – переспросила я Яну.

-Да, - чуть смущаясь, ответила она. – Как муж и жена.

[~~О хоспода ток этого не хватало подумал внутри меня циничный препод «Сексологии и ексонатологии»... Великое соитие....~~]

-Ииии? – задала я свой любимый вопрос.

-И... и... и после этого я сказала ему, что люблю его... А он – что любит меня...

Выдавлив эти слова, Яна начала плакать. Тихонько-тихонько, всхлипывая, будто очень смущаясь и одновременно извиняясь... И от ее слез меня вдруг накрыло такой тоской, таким одиночеством...

Я подождала несколько минут, пока Яна плакала то сильнее, то слабее, и когда она посмотрела на меня, я тихо и очень мягко спросила:

-И что?

Хотя, произнося эти слова, я уже знала ответ...

-Он женат, - синхронизируясь с моими мыслями, ответила Яна. И у него все хорошо с женой. Но он ее не любит.

В этот момент я с интересом взглянула на Яну.

Так как я ничего не сказала и не спросила, Яна продолжила:

-Они с женой очень давно вместе. Еще со школы. У них двое детей, два сына...

[~~...Не может быть хоспадя ты со мной так не поступишь ну пожалуйста в Минске 2 миллиона человек и пара сотен психологов... Смалодушничаю и не буду строить никакую генограмму сделаю вид что не нужно знать...~~]

И опять синхронно с захлестывающим меня ужасом она назвала имена сыновей – редкие даже для наших широт с Тихонами, Фридрихами, Евлампиями, Елисеями... Это было совпадение с шансом один на миллион – или если считать всех минчан – одним на два миллиона – но она сидела напротив, давно мной предугаданная любовница Шуры, о которой Аня не желала знать, потому что если не думать – плохое не случится, а я думала – вот она у меня и материализовалась...

Отряхнувшись от мыслей, я лихорадочно поймала остатки разумной мысли «останови процесс - это двойные отношения» и неразумную, но единственно для меня возможную –

«ей плохо, и ты же сейчас не выгонишь девочку на улицу» - и продолжила слушать.

Она пришла ко мне просто для того, чтобы рассказать свою историю. Чтобы исповедаться. Чтобы понять. Чтобы оплакать.

Потому что именно в тот момент, когда она мне звонила, жена ее возлюбленного – она назвала его Аликс, именно с «и» посредине, с тщательным выговариванием всех буквофф... именно тогда жена обо всем узнала. Аликс рассказал ей, что любит другую – ее, Яну, и жена – которая всё это время знала – не знала – не хотела знать – она вычислила Яну на FB со скоростью неперехватываемой ядерной боеголовки и позвонила ей с каких-то безумно далеких островов.

Яна была готова ко всему – к сарказму, агрессии, упрекам, обвинениям – в общем, к страшному цунами, которое обрушится на ее голову, когда жена обо всем узнает. Она продумывала разные ответы – от язвительного «что же Вы его не удержали» до патетического «он любит только меня, а с Вами лишь из-за детей» - но не была готова к тому, что произошло. Она подняла трубку, сказала «слушаю Вас» и в ответ услышала «это Аня, жена Александра». Почувствовав толчок – выброс адреналина? повышение давления? – Яна набрала в легкие воздуха – и так и замерла. Потому что Аня на другом конце трубки начала плакать. Плакать так жалостно, так по-детски, так нелепо, в голос, что Яне ничего не оставалось, как слушать этот весьма дорогой по цене роуминга белорусского оператора неутрачивающий плач... Минута, три, пять... Яна включила громкую связь, не зная, что делать: повесить трубку, что-то сказать, переспросить... Но это были минуты, когда в мире не существовало никого – только жена, любовница и маленькая точка – не ШурА и не Аликс, а отчужденный от всех Александр – тот, кто уже принёс боль одной женщине и неотвратимо наносил удар второй.

Это плач изменил все. Яна пережила какое-то измененное состояние – обрывки мыслей и странные черно-белые кадры. Вот мама оставляет ее в детском саду – и Яну захлестывает тяжелый, темный ужас. «Мамочка, не уходи», - умоляет, кричит, захлебываясь в этом крике двухлетняя девочка, цепляясь за ее колени – но мама уходит. Вот папа кричит на кухне на маму, а потом собирает вещи, отшвыривает рыдающую маму и вторящую ей Яну – и уходит. Вот ее первый парень, которого она любила без ума, которому писала письма на бумаге и отправляла по почте, с которым встречалась долгих и счастливых четыре года, пишет – не говорит лично, а просто пишет SMS: «Извини, ты слишком хорошая для меня» - и уходит к ее однокурснице... Вся выплаканная и невыплаканная боль Яны, все предательства, все одиночество, все, что было – это в один момент вдруг объединяет ее с Аней, и она понимает, что они – не соперницы и не враги. Они сестры, подруги по несчастью, и просто так вышло, что Аня когда-то, а Яна потом полюбила Александра, а он – ну а что он, у него тоже хватало в жизни боли и предательства...

И когда Аня наконец смогла говорить – сорванным голосом, с болью, с надрывом, но все равно обессиленно – она лишь просила: «Пожалуйста, не разрушай мою семью... Пожалуйста... Я так его люблю... Я тебя прошу...»

Если бы она кричала, обзывала Яну, желала ей смерти и прочих трансформаций – та могла бы остаться сильной и отстаивать свою любовь и свое право на этого мужчину, потому что ведь мужчина – не животное, его никто не клеймит, и он свободен, и может выбирать, и выбирал ее, Яну – но ее слезы разрушили все иллюзии. Она, Яна, так не могла. Нет. Она помнила, как много раз ей было больно, и пока Аня оставалась далекой, деловой, холодной, красивой, успешной женщиной – она могла спокойно брать или красть это счастье – быть с Аликсом, мечтать о браке, семье и детях, о маленьком домике на

Браславских озерах, куда бы они могли уезжать и прятаться от всех, о завтраках вместе, о сериалах, которые так уютно смотреть в дождливую погоду, о пустяках и о важном... Но Аня стала такой же как она – живой, страдающей, осязаемой – будто она смотрела в зеркало. И Яна сказала только одно слово: «Хорошо». И повесила трубку.

И пришла ко мне...

В этот момент я тоже вернулась в реальность. Потому что за эти полчаса случилось слишком много, но я лишь сказала:

-Мне жаль... И добавила: «К сожалению, я не смогу с Вами работать, потому что я тоже вовлечена в эту историю».

-Я знаю, - ответила Яна.

Увидев на моем лице искреннее недоумение, Яна невесело улыбнулась и сказала:

-Когда Аликс рассказал обо всем жене, она позвонила мне, а я почти сразу – Вам. И когда мы уже договорились, Аликс набрал меня. Я сказала, что разрываюсь, что не смогу причинить такую боль его жене и что иду к психологу. Он спросил: к кому, я назвала Вашу фамилию, а он с ужасом сказал, что Вы – терапевт его жены.

-Тогда почему Вы не перезвонили и не отказались от встречи со мной?

-Я решила, что это судьба. Мы ведь все математики – и я, и Аликс, и Аня... Какова была вероятность позвонить именно Вам? Значит, это не просто случайность. Пока я ехала к Вам, я поняла: Вы нужны мне для того, чтобы передать Ане: я исчезаю из их жизни. Я сама так решила, хотя мне сейчас просто ужасно... Но так будет правильно...

Наш первый час подходил к концу, и я смогла спокойно проговорить с Яной то, что нам нужно остановиться, и предложить ей обратиться к проверенной коллеге. Мне так не хотелось ее отпускать, бросать – но я понимала, что треугольник замкнулся, что это – повторение реальной жизненной ситуации. И там Александр выбирал между Аней, которая пришла раньше, и Яной, которая появилась в жизни значительно позже – и по итогу, похоже, остается с женой. И тут я – выбор без выбора – остаюсь терапевтом Ани и не могу взять в терапию Яну... И вновь я почувствовала грусть, необъяснимую, как затяжной осенний дождь. Я не отказывала человеку в помощи – и одновременно отказывала. Но так было правильно...

-Так будет правильно, – синхронно с моими мыслями произнесла Яна.

Через несколько минут телефон коллеги был записан, я при Яне позвонила ей и предупредила, наша встреча подошла к концу. И уже обувшись и почти выйдя за дверь, Яна посмотрела на меня пристально и спокойно и сказала:

-Просто скажите ей – я этого не хотела. И я ее очень, очень, очень понимаю. И еще... Пусть знает... Я – не плохая... Я не знала, что он женат. Поэтому все так и вышло. Но я никого не виню...

Она повернулась и пошла к выходу, и я видела, что она вытирает слезы.

А когда я вернулась в кабинет, я увидела, что у меня в Вайбере 15 пропущенных вызовов

от Ани. Я написала ей, она мне перезвонила. Я еще раз выслушала историю, а потом сказала, что Яна приходила ко мне и больше не побеспокоит ее семью.

Мы какое-то время работали по скайпу, а потом опять смогли увидеться «вживую». Аня старательно избегала упоминаний о Яне: «она», «этот случай», «эти обстоятельства». Похоже, ее защиты работали, она активно перерабатывала травму. С Шурой все было не просто – какое-то время он метался, говорил, что любит Яну и хочет к ней уйти, но вернувшись в Минск, как-то успокоился, сник, пошел к врачу, попил антидепрессантов и сейчас потихоньку «возвращается».

Начал гулять с собакой...

Спорит с сыновьями и дразнит их, как прежде...

Стал ездить с Аней на дачу...

Иногда ее обнимает...

У них наконец случился секс – не такой, как раньше, но какой-то очень нежный...

Но что он, похоже, все еще любит ту, другую, хотя очень старается ее забыть...

Прошло еще полгода. Аня успокоилась, опять начала много работать, но продолжает контролировать мужа и держит его очень крепко – в объятиях, в делах, в разговорах. Несколько новых нитей в их отношениях – предательство, боль, страх утраты – как ни странно, еще больше привязали Аню к мужу. Она несколько раз просилась на супружескую терапию, или чтобы он пришел один – но я отказывалась. У меня возникали совершенно рациональные и совершенно иррациональные объяснения, почему нет. Но самой дурацкой идеей, которая меня держала крепче всего, была идея о том, что со мной он будет говорить о Яне. Я видела ее, я говорила с ней, он знает об этом от Ани... И я могу нечаянно о ней напомнить – такой искренней, честной, такой хрупкой и мужественной – хотя вряд ли он когда-нибудь ее забудет...

Я ничего не знаю про Яну. Как парусник, она легко скользнула и исчезла где-то в дымке. Я не знаю, дошла ли она до коллеги, какую цену ей пришлось заплатить за отказ от любви, какие раны остались в ее душе. Я сочувствую и Ане, и Яне.

А еще иногда я думаю об Александре – о человеке, которого я никогда не увижу. О том, как ему живется с Аней – близкой, родной, немножко всезнайкой, немножко избегайкой, но очень надежной, честной, искренней и верной. Думаю, непросто – как любому из нас непросто рядом с очень родным, очень близким, очень глубоко «проросшим» в тебя человеком, который иногда знает тебя лучше, чем ты сам, и чувствует, что с тобой, еще до того, как ты сам это почувствовал... И как иногда слияние-идентификация вдруг начинает меняться на дифференциацию, как прилив сменяется отливом. Иногда это проживается легко и незаметно: отдаление – приближение, отдаление – приближение...словно вдох и выдох. А иногда ты вдруг начинаешь отдаляться, все дальше и дальше от родного дома, и тебе, как астероиду, хочется улететь за пределы своей системы, и только мощные силы гравитации, притяжения «своей» планеты способны вернуть тебя на привычную траекторию... Но все равно ты иногда смотришь на далекие и незнакомые звезды...

Александр для меня оставался частью истории. Я и правда не знала, что было с ним глубоко внутри – хотя, по словам Анны, он тоже очень страдал. Я не знаю, раскаялся ли

он – Анна старательно избегала любых упоминаний о Яне. Похоже, она твердо усвоила, что изображение сигарет на антитабачной рекламе все равно ведет к воспоминаниям о процессе курения. А Александр как-то справлялся сам. Плакал ли он? Вспоминал ли он Яну? Сожалел ли он о тех четырех месяцах, которые были в его жизни? Сожалел ли о том, что остался с Аней? Или, наоборот, что не ушел от нее? Я не знаю.

Однажды, уже в который раз вспомнив эту историю, я почему-то включила две старые песни Игоря Талькова: "Скажи, откуда ты взялась" и "Моя любовь"... Я не слушала их лет 15... Хрипловатый, низкий и негромкий голос вдруг всколыхнул такой пласт боли, что слезы навернулись на глаза... Я вдруг поняла, что мужчине может быть очень, очень плохо. И он может переживать так же тонко и глубоко, как женщина – и свое предательство, и невозможность уйти, и боль от потери любимого человека. Он пел. Я плакала. Я переслушала эти две песни раз десять, пока меня отпустило. До этого я, «вступив в сговор» с Аней, будто бы выносила за скобки Александра. Яна тоже предпочла защитить свою любовь, убрав его с «линии огня» и замечая только боль Анны. Я думаю, и Аня, и Яна злились, обижались, страдали - но старались сохранить Александра, его образ, и были очень бережными, чтобы не разрушить то, что было... И я вдруг явственно увидела эту картину – мужчина, который держит за руку одну женщину – свою жену – и смотрит вдаль, вслед другой, уходящей женщине, женщине, которая забрала часть его души, и неизвестно, когда он теперь оправится...

А Игорь Тальков пел:

Все, все происходит

В мире не так

По чьей-то неведомой нам воле...

А то, как должно быть

Только в мечтах

В наших мечтах

Но не боле...

Но ты опоздала

Ты – не она,

Та, что пришла

До тебя.

А жизнь нам осталась

Что-то должна

Коль мы расстаёмся, любя.

И, похоже, эти песни и мысли о том, как нелегко пришлось Александру и с какой болью он отпустил свою любовь, примирила меня со всеми участниками истории... И вновь напомнила о том, что если бы мы могли до конца прожить эдипальную ситуацию, в нашей жизни не было бы слез, обид, ревности, боли... Но это невозможно, и именно поэтому я иногда думаю о них... Жалею каждого из них, понимая, что каждый что-то потерял и оставил в прошлом... И желаю каждому из них счастья – Ане, Александру и Яне, героям одной истории, которую мне удалось увидеть через две замочные скважины.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ